

Звонок из полицейского участка раздался в семь часов вечера, когда Чжу Цинчэнь следил за порядком на вечерней самоподготовке.

— Здравствуйте, это Чжу Цинчэнь, учитель Первой средней школы?

— Да, это я.

— Говорит дежурный участка района Бэйчэн. Недалеко от школы произошёл инцидент: один из ваших учеников подвергся нападению. Неравнодушные прохожие доставили его к нам для подачи заявления.

Сердце Чжу Цинчэня пропустило удар.

— Это Чэнь Хэсун? — с тревогой спросил он.

— Да, он самый, — подтвердил полицейский. — Родители мальчика уже здесь, но... — он замаялся, и в трубке на заднем фоне послышался резкий, визгливый голос матери Чэнь.

— Невозможно! Мой Сяо Юй не мог этого сделать!

Полицейский вздохнул и продолжил:

— Ситуация неоднозначная, второй опекун ещё не прибыл, поэтому мы решили связаться с вами. Вы сможете подъехать?

— Буду через пять минут. Скажите ему, чтобы не боялся, я скоро приеду.

Цинчэнь жестом велел ученикам соблюдать тишину, заскочил в учительскую, попросил коллегу присмотреть за классом и, подхватив свою холщовую сумку, выбежал на улицу. Участок находился совсем рядом со школой. На ходу он лихорадочно набирал номера наставника Гао и руководителя учебной части. Это был первый раз с момента его перемещения в современный мир, когда он пользовался телефоном с такой пугающей скоростью.

— Наставник Гао, на Хэсуна напали, он в участке!

— Руководитель параллели, Чэнь Хэсуна избили! Да, того самого отличника, нашу главную

надежду. И не было никакой добровольной передачи, это всё чушь! Скорее, приезжайте в участок!

Оба учителя, услышав новости, буквально подпрыгнули на местах и немедленно выехали. Молодой человек же, закончив звонки, со всех ног припустил к отделению полиции.

Последние несколько дней он навещал Хэсуна в одиннадцатом классе, проверял, всё ли в порядке, подбадривал его. Ему нужно было выиграть ещё два дня, пока Система обрабатывала запрос на получение старых видеозаписей и фотодоказательств травли. Тогда они могли бы подать заявление, аннулировать прошение о повторном обучении и добиться для мальчика места в общежитии, чтобы он навсегда покинул тот дом.

Но что произошло сегодня? Почему Хэсун не позвонил ему сам, как они договаривались? Неужели его избili настолько сильно, что у него не хватило сил даже на звонок? Мучимый тревожными мыслями, Цинчэнь ворвался в полицейский участок.

— Здравствуйте, я классный руководитель Чэнь Хэсуна.

— Проходите за мной, — отозвался дежурный.

Его проводили в небольшую комнату для совещаний. Едва дверь открылась, Цинчэнь увидел мать Чэнь, которая захлебывалась слезами.

— Это ложь! Как Сяо Юй мог такое совершить? Он такой послушный ребёнок! Мы — порядочная семья, никто из нас в жизни не переступал порог участка!

Полицейские в комнате выглядели предельно измотанными. Один сын избил другого до полусмерти, а она до последнего выгораживала агрессора — в голове не укладывалось, как такое возможно. Хэ Юй сидел на кожаном диване, развалясь и закинув ногу на ногу. Его вид так и кричал о безнаказанности.

Чжу Цинчэнь быстро огляделся, но Хэсуна не увидел. В этот момент дверь снова открылась, и молодой полицейский ввёл мальчика в комнату. Хэсун выглядел жалко: его волосы слиплись от молока, лицо и одежда были покрыты пылью. Полицейские позволили ему немного умыться после осмотра травм, но запах скисшего молока всё ещё преследовал его.

При виде сына женщина вскрикнула:

— Чэнь Хэсун! Кто позволил тебе писать заявление? Господин офицер, я вам говорю: Сяо Юй на такое не способен! Хэсун просто затаил обиду из-за того, что его оставили на второй год, и решил отомстить!

Подросток мертвой хваткой вцепился в лямки рюкзака. Он стоял, низко опустив голову, и

кончики его пальцев побелели от напряжения. Мать хотела лишь одного: поскорее замять дело, пока Лао Хэ не узнал о случившемся. Она боялась за свою безбедную жизнь и не желала, чтобы в высшем свете судачили о том, как она изводит сына.

Цинчэнь подошёл к нему и тихо позвал:

— Хэсун?

Мальчик вскинул голову. Увидев учителя, он на мгновение просиял.

— Учитель Чжу... — голос его дрогнул, и свет в глазах быстро погас. — Зачем вы пришли?

Он мог сохранять хладнокровие перед лицом Хэ Юя, зная, что всё идёт по плану и камеры зафиксировали избиение. Он сознательно спровоцировал врага, чтобы добыть неоспоримые улики. Но он не знал, как смотреть в глаза наставнику. Этот человек искренне хотел ему помочь, а он... он чувствовал себя грязным из-за своих манипуляций. Поэтому Хэсун и не хотел, чтобы Чжу Цинчэнь узнал об этом.

— Как ты? — Цинчэнь протянул руку, но не решился коснуться его. — Где болит?

Хэсун поджал губы и едва заметно качнул головой.

— Всё в порядке. Простите, что вам пришлось сорваться из-за меня.

Мать Чэнь, услышав это, тут же подскочила к ним:

— Слышали, офицер? Он сам говорит, что всё в порядке! Теперь я могу забрать Сяо Юя домой?

— Сожалею, но пока обстоятельства не будут выяснены до конца, покидать участок запрещено, — отрезал полицейский.

— На каком основании?! — взвизгнула женщина. — Он сам признал, что с ним всё хорошо! Я его родила, я знаю его как облупленного! Он лжец и мастер притворяться, он всех нас водит за нос!

Чжу Цинчэнь заслонил собой мальчика и сурово посмотрел на женщину:

— Вы сами-то помните, что это ваш ребёнок?

— Я... — она осеклась под его взглядом и невнятно забормотала что-то в оправдание.

Учитель повернулся к офицеру:

— Где именно это произошло?

— У задней стены школы, — ответил полицейский. — Там недавно установили камеры. По настоящему требованию пострадавшего мы уже отправили запрос на изъятие записей.

Как только Хэсун попал в участок, он, несмотря на своё плачевное состояние, наотрез отказался заходить внутрь, пока полиция не подтвердит, что записи с камер будут изъяты немедленно. Он понимал: нужно действовать быстро, пока семья Хэ не успела подкупить охрану школы. Видя решимость подростка, полицейские уступили.

При упоминании камер Хэ Юй, до этого сидевший с отсутствующим видом, напрягся. Он опустил ногу на пол и в упор посмотрел на брата. Он всегда избивал Хэсуна там, где не было свидетелей, стараясь не задевать лицо. Но если теперь появилась запись... Гнев вспыхнул в нём с новой силой: этот никчёмный Хэсун посмел обвести его вокруг пальца.

Цинчэнь тоже посмотрел на своего ученика. Хэсун встретился с ним взглядом и медленно разжал пальцы, которыми до этого судорожно держался за край его пиджака.

«Неужели наставник всё понял? Он презирает меня за эту хитрость?»

Но в следующую секунду Чжу Цинчэнь крепко сжал его ладонь.

— Всё хорошо, — твёрдо произнёс он.

Даже если Хэсун сделал это намеренно, это не было его виной. Он лишь нашёл единственный способ защитить себя. Цинчэнь почувствовал укол вины: он должен был прямо сказать мальчику, что через пять дней у него будут доказательства, чтобы тот не рисковал собой ради этих кадров.

Учитель отвел подростка к дивану в дальнем углу. Полицейский принёс им воды. Цинчэнь поблагодарил его, выудил из своей сумки две шоколадные конфеты и протянул одну мальчику. По одной на каждого. Они сидели плечом к плечу и молча ели шоколад. Сладкий вкус таял на языке, и Хэсун украдкой взглянул на учителя. Он снова втянул его в свои проблемы. А ведь он хотел лишь надавить на мать и Хэ Юя этими записями: заставить их забрать заявление о повторном обучении в обмен на примирение.

Вскоре вернулись трое полицейских с записями. Выражения их лиц были мрачными, а в глазах читалось неприкрытое сочувствие.

— Записи у нас. Помимо Хэ Юя, на них запечатлены ещё несколько человек. Мы уже связались с руководством школы для опознания и вызвали их родителей.

— А... — мать Чэнь замерла. — Правда? Камеры действительно всё сняли? Там... всё серьёзно?

— Да. Желаете взглянуть?

— Я...

Чтобы не травмировать Хэсуна повторным просмотром, женщину увели в соседнюю комнату. Спустя минуту оттуда донёсся её истошный крик:

— Что?! Это... это не может быть правдой! Откуда это?!

Цинчэнь ладонями прикрыл уши Хэсуна и достал из кармана две молочные ириски.

— Ты ведь ещё не обедал? Съешь пока это, чтобы совсем не ослабнуть.

— Спасибо, учитель, — тихо ответил Хэсун.

Сумка Чжу Цинчэня казалась бездонной, словно волшебный артефакт. Как только Хэсун заканчивал с одним угощением, наставник тут же находил что-нибудь новое.

Хэ Юй всё это время продолжал сидеть с невозмутимым видом, словно всё происходящее его не касалось. Но из соседней комнаты доносились приглушённые рыдания матери, и этот звук явно действовал ему на нервы. Подумав, юноша встал и пересел ближе к Хэсуну.

Мальчик инстинктивно сжался. Полицейский хотел было вмешаться, но, поскольку Хэ Юй пока ничего не делал, он просто встал рядом, не сводя глаз с зачинщика. Тот с хрустом размял костяшки пальцев. Хэсун вздрогнул: он знал этот звук — обычно за ним следовала вспышка боли.

Но сейчас всё было иначе. Они были в полиции. Хэсун сделал глубокий вдох, заставляя себя успокоиться. Он уже сжёг за собой мосты. Если сейчас он не добьётся своего, его жизнь превратится в кошмар.

Голос Хэ Юя прозвучал тихо, словно шипение змеи:

— План у тебя отличный, брат, но он бесполезен. У тебя ещё есть шанс упасть на колени и вымолить прощение.

— Отец сегодня возвращается. И если он придет в пустой дом и узнает обо всём... Как думаешь, кого он защитит? Тебя или меня?

— У нас достаточно денег, чтобы найти того, кто возьмёт вину на себя. К тому же, я тебя почти не трогал — так, рука соскользнула, когда молоко выливал.

— И что твои записи? Их можно «случайно» стереть или испортить. Если семья Хэ захочет, завтра в новостях скажут, что это ты избивал меня.

Прежде чем он закончил, Чжу Цинчэнь поднял руку:

— Господин офицер! Прошу зафиксировать: подозреваемый угрожает пострадавшему, заявляет о намерении подкупить следствие и уничтожить улики! Рекомендую немедленно сделать резервную копию записей. У меня есть флешка, могу я получить экземпляр?

Хэ Юй осекся. Перед ним уже стоял полицейский с крайне суровым видом.

— Я всё слышал, — кивнул офицер. — Мы примем предложение учителя.

Зачинщик побагровел от ярости, но остатки благоразумия не позволили ему спорить с законом. Он повернулся к Чжу Цинчэню и процедил сквозь зубы:

— Наставник Чжу, вы здесь без году неделя и не знаете, как делаются дела в Бэйчэне. Советую вам вызвать школьное начальство и позволить им уладить этот вопрос.

Учитель, не моргнув глазом, снова поднял руку:

— Офицер, он угрожает мне лично. Если со мной что-то случится, прошу в первую очередь проверить семью Хэ.

— Принято, — ответил полицейский.

— Да ты... — Хэ Юй, поняв, что наткнулся на каменную стену, в бешенстве вернулся на своё место.

Чжу Цинчэнь ободряюще похлопал Хэсуна по руке:

— Не бойся, я рядом.

Он достал из сумки две маленькие булочки и протянул одну мальчику.

Спустя вечность из соседней комнаты вышла мать Чэнь, поддерживаемая полицейским под руку. Глаза её были красными, она судорожно прижимала ладонь к губам. Увидев сына, она бросилась к нему:

— Сяо Сун, прости меня, мама не знала...

Лицо Хэсуна на мгновение смягчилось, он хотел было помочь ей встать, но в этот момент зазвонил её телефон. Особенная мелодия. Женщина тут же отпрянула, начала судорожно поправлять причёску и мгновенно сменила тон.

— Да, Лао Хэ?

Из трубки донёлся властный, раздражённый голос:

— Почему дома никого нет? Где вы все? Я вернулся, а на столе ни крошки горячего. Зачем я вообще на тебе женился?

— Я просила экономку приготовить... — лепетала она.

— Быстро домой!

— Лао Хэ... — она пугливо покосилась на полицейских. — Мы не можем. Мы в участке...

— В участке?! Что вы там забыли?

— Тут у Сяо Юя и Хэсуна вышло небольшое недоразумение. Они... просто заигрались и немного повздорили... — она снова жалобно посмотрела на сына.

Хэсун горько усмехнулся и отвел взгляд к потолку. Её путаные объяснения вывели полицейского из терпения. Он протянул руку и забрал телефон.

— Здравствуйте, вы отец Хэ Юя и Чэнь Хэсуна? Ваш сын Хэ Юй организовал групповое избиение сверстника в школе. Сейчас ведётся следствие в участке Первой средней школы. Просим вас прибыть немедленно.

Отец Хэ на том конце провода выругался и бросил трубку. Мать Чэнь, дрожа от страха, снова устремила на Хэсуна полный мольбы взгляд.

— Сяо Сун, ну хватит уже, не доводи до греха. Сейчас приедет отец, и если он разозлится — нам всем несдобровать! Как я ему в глаза смотреть буду? Пожалуйста, заведи заявление!

Её раскаяние улетучилось так же быстро, как и появилось. Комфорт и богатство были для неё куда важнее родного сына, даже после того, как она своими глазами увидела видео его избиения.

— Сяо Юй ещё совсем ребёнок, он просто не подумал. Мы вернёмся домой, и отец его накажет, зачем же доводить до полиции? Пойдём скорее, пока Лао Хэ не приехал!

Хэсун опустил глаза, и на мгновение ей показалось, что он согласен. В сердце женщины вспыхнула надежда. Но секунду спустя он холодно произнёс:

— Нет.

Чжу Цинчэнь крепко сжал его руку, подбадривая. Мать Чэнь мгновенно окрысилась:

— Ты что, смерти моей хочешь?!

— Нет, — голос Хэсуна был пугающе ровным. — Я просто хочу жить.

Она хотела было закатить истерику, но полицейский вовремя осадил её.

Спустя некоторое время в участок вошёл статный мужчина средних лет в дорогом костюме. Мать Чэнь тут же вскочила, пытаясь пригладить волосы.

— Лао Хэ...

Но муж лишь одарил её ледяным, яростным взглядом, от которого она мгновенно притихла. Это был отец Хэ Юя. Он подошёл к Хэсуну, окинул его быстрым взглядом и спросил:

— Сильно побили?

— Довольно серьёзно, — ответил стоявший рядом офицер. — Множественные гематомы, повреждения мягких тканей, и это ещё не всё...

— Отвезите его в больницу. Расходы на лечение я оплачу.

Лао Хэ говорил так уверенно, словно на этом вопрос был исчерпан. Он обернулся к водителю, стоявшему у двери:

— Лао Ван, отвези Хэсуна к врачам.

Затем он привычным жестом достал визитку и пачку сигарет, собираясь предложить их полицейскому:

— Извините за беспокойство, обычное семейное дело. Не стоит раздувать пожар.

Полицейские решительно отказались. Лао Хэ хотел забрать Хэсуна, но Чжу Цинчэнь встал и преградил ему путь.

— Господин Хэ, дело ещё не закрыто. Мы не намерены покидать участок.

Отец Хэ нахмурился, но не успел вставить ни слова — в коридоре слышались крики других родителей.

— Опять ты за старое?! Вместо того чтобы учиться, шатаешься по подворотням и бьёшь людей! Позорище!

— Ты всю семью опозорил перед полицией!

Прибыли родители свиты Хэ Юя. Те самые «смельчаки», что ещё днём измывались над слабым, теперь стояли, втянув головы в плечи. Впрочем, родителей волновал не избитый Хэсун, а лишь то, что их чада нанесли урон репутации семьи.

Здесь собрались те, кто либо зависел от бизнеса Лао Хэ, либо всячески старался ему угодить. Комната превратилась в подобие делового приёма.

— О, господин Хэ, и вы здесь?

— Господин Ван, какая встреча...

Полицейским пришлось приложить немало усилий, чтобы утихомирить это стихийное собрание. Лао Хэ попытался замять конфликт, снисходительно заявив:

— Да ладно вам, это просто детские шалости. Хэсун слишком всё принял близко к сердцу, бывает.

— Вот именно, вот именно! — подхватили остальные.

Несколько лощёных мужчин обступили Хэсуна, притворно охая:

— Как ты, мальчик? Где болит?

— Ты только скажи, мы оплатим лучших врачей.

Хэ Юй подал знак своим приятелям, и те, развязно поклонившись, затянули извинения:

— Прости, брат, мы перегнули палку, не злись.

Хэ Юй склонился к самому уху брата и прошептал:

— Посмотри вокруг. Здесь солидные люди, и все они — друзья моего отца. С чем ты собрался воевать? Хочешь засадить меня за решётку? Мечтай больше.

Настал решающий момент. Хэсун, сжимая рюкзак, внезапно громко произнёс:

— Я не останусь на второй год.

Хэ Юй замер, а потом взорвался:

— Папа! Он всё это подстроил! Он специально выбесил меня, чтобы я его ударил под камерами, а потом прибежал сюда! Всё ради того, чтобы не идти в мой класс!

Чжу Цинчэнь встал между ними.

— Позволь спросить, Хэ Юй: что же такого сделал мой ученик, что ты «вынужден» был его избить?

— Он... он... — юноша запнулся.

— Хэ Юй велел мне купить молоко, — спокойно пояснил Хэсун. — В лавке было только финиковое, а ему не понравился вкус.

Цинчэнь посмотрел на полицейских — те фиксировали каждое слово.

— Значит, из-за пакета молока ты «вынужден» был наброситься на него всей толпой?

Другие парни попытались встрять:

— Да он сам всё знал! Он знал, где висит камера, а мы — нет!

Чжу Цинчэнь парировал:

— То есть вы считаете, что если камера есть — вы виноваты, а если её нет — то вы чисты? В этом ваша логика?

Он повернулся к матери Чэнь:

— Перед тем как вы подписали заявление о повторном обучении, вы обещали: если выяснится, что Хэсуна принуждали остаться на второй год, заявление будет аннулировано.

— Я... — женщина растеряно захлопала глазами.

— Господин Хэ, — Цинчэнь обратился к отцу. — На этом мы заканчиваем. Вы больше не можете представлять интересы моего ученика.

Он взял Хэсуна за руку и официально обратился к полицейским:

— Мы выдвигаем требования к агрессорам и их опекунам.

— Первое: официальные извинения и полная компенсация медицинских расходов.

— Второе: несколько дней назад семью моего ученика заставили подписать прошение о его повторном обучении в качестве «сопровождающего» для Хэ Юя. У нас есть все основания полагать, что это было сделано под давлением. Мы требуем аннулировать это решение. Прошу полицию зафиксировать этот факт и оказать поддержку школе.

— Третье: Чэнь Хэсун больше не может оставаться в этой токсичной семье. Мы будем подавать прошение о его переводе на полное пансионное обеспечение в школе.

— И последнее: мы не принимаем никаких извинений в частном порядке. Это было преднамеренное нападение. Прошу применить к виновным меры в соответствии с законом.

— Ты не посмеешь! — Хэ Юй окончательно потерял самообладание. — Чжу Цинчэнь, ты хоть понимаешь, во что ввязываешься?!

Внезапно мать Чэнь бросилась к сыну.

— Хэсун, ну хватит! Зачем раздувать такой скандал? Отец уже в ярости! Если об этом узнают знакомые — это же такой позор! Давай я всё подпишу, только не подавай в суд на Сяо Юя!

Чжу Цинчэнь почувствовал, как пальцы Хэсуна задрожали. Он крепко сжал его ладонь, защищая. Даже сейчас эта женщина думала лишь о том, как спасти мучителя.

Хэсун опустил взгляд. Прячась за спиной учителя, он медленно начал задирать край школьной формы. Мальчик был болезненно худ, под кожей отчётливо проступали рёбра. Но взорам присутствующих открылись не только свежие синяки.

На его теле живого места не осталось от старых шрамов — следов от прикуривания сигарет. Множество мелких ожогов складывались в четыре издевательских иероглифа: «Сын разлучницы».

В том переулке Хэ Юй выкурил лишь одну сигарету, но земля была усеяна окурками. Он методично выжигал это клеймо на теле брата. Видимо, камеры висели слишком далеко, чтобы запечатлеть эту деталь.

— Мама... — тихо позвал Хэсун.

Женщина охнула, попятилась и затравленно посмотрела на Лао Хэ.

— Лао Хэ... может... может, пусть Сяо Юй просто извинится?

Но отец Хэ уже всю говорил по телефону, пытаясь задействовать свои связи.

— Алло, господин Ли? Это я.

— Алло? Заместитель директора Чжоу? Это Хэ.

Мать Чэнь беспомощно огляделась и вдруг... схватила Хэсуна за руки, пытаясь силой опустить подол его рубашки.

— Всё нормально... Не надо... Пусть никто не видит. Прикрой, и ничего не будет заметно.

Хэсуна забила крупная дрожь. Он с силой оттолкнул её руки и, уткнувшись в плечо Чжу Цинчэня, отчаянно зарыдал:

— Учитель... у меня больше нет мамы. Совсем нет...

Цинчэнь крепко обнял его, закрывая собой от матери и всего мира.

— Всё хорошо, маленький. Не бойся. Учитель здесь. Я тебя не оставлю.

<http://bllate.org/book/15820/1433142>